

© С.И. Рыжакова

Духовный мир Катайюн Саклат: калькуттские беседы с художницей парси

Ключевые слова: парсы, зороастризм, творчество, биография, духовный мир, Катайюн Саклат, Диншав К. Мехта, Индия

В статье представлен полевой этнографический материал автора, записанные рассказы Катайюн Саклат, художницы, принадлежащий сообществу парсов-зороастрийцев Калькутты. Объектами исследования оказываются история ее жизни и ключевые факторы, сформировавшие ее личность: семья и полученное воспитание, жизненный опыт отца, Рустама Саклата, встреча и общение с учителем, Диншавом К. Мехтой, а также погружение в мир художественной культуры и смыслы, вкладываемые в творчество. На основе бесед с Катайюн предпринимается попытка проанализировать соотношения индивидуальной религиозности и приверженности традиции и то, как в личных воспоминаниях осуществляется поиск их баланса и осознание в рамках личного духовного пути.

*That best portion of a good man's life
are little nameless unremembered
acts of kindness and of love¹*

(из посвящения отцу Катайюн, Рустаму Саклату,
написанного на сборнике молитв господином
Рустомджи Дж. Вимадалалом)

Творческие люди, художники, поэты, писатели, артисты обладают особым умением создавать собственные миры, преодолевающие всевозможные границы. Это касается выстраивания как воображаемого, так и реального пространства жизни, и особенно конфигурации идей, представлений, привычек,

Рыжакова Светлана Игоревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. S.Ryzhakova@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-8707-3231>.

Публикация в рамках проекта РНФ № 22-28-00505: «Особые миры» Индии: малые народы и социальные группы. Этнокультурные стратегии сохранения и сглаживания различий. 2022–2023 г.

Для цитирования: С.И. Рыжакова. Духовный мир Катайюн Саклат: калькуттские беседы с художницей парси // Антропологии/Anthropologies. 2023. № 2. С. 206-239. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/206-239>

¹ Лучшая часть жизни хорошего человека – маленькие безымянные стирающиеся из памяти дела добра и любви (англ.).

обычаев — всего того, что может быть определено как духовное содержание жизни. Однако социальные и конфессиональные барьеры тоже существенно корректируют формирование судьбы и личности человека.

Феномен индивидуальной религиозности во многом подобен идиолекту в речи: оперируя элементами известных ему традиций и культур, представлениями и идеями, человек порождает свое личное духовное пространство. Семейные, профессиональные, дружеские, соседские контакты и традиции, взаимодействуя, влияют на создание уникальной в принципе линии собственного опыта. Одним из ярких тому примеров может быть духовный мир Катаяюн Саклат, художницы из Калькутты, принадлежащей сообществу парсов-зороастрийцев.

Зороастризм — религия иранского происхождения, она сложилась на основе древнеиранских верований и культов, имеет сформированный канон, доктрину, литургическую практику. Переселение общины зороастрийцев в Южную Азию в IX в. и последующее формирование сообщества парсов создало ситуацию множественных социальных контактов, выработки механизмов культурного приспособления. Мир парсов формировался в культурно пограничной среде, в соприкосновении с разными кастами, этническими группами и религиозными сообществами². Заимствование языка гуджарати, элементов одежды, повседневных обычаев сочеталось с практикой воссозданной религии и культурой, сохраняющей ряд иранских элементов с постоянным восприятием и впитыванием множества влияний и инноваций.

Дальнейшее расселение парсов по Индии углубило их контакты, тесные связи с общинами армян, евреев, китайцев, и конечно, десятков местных народов и групп — маратхов, бенгальцев, панджабцев, марвари и многих других. Одновременно шло определенное замыкание общины парсов, прежде всего посредством брачных практик и ограничения признания детей от смешанных браков как парсов. Сложились две группы: *оста* — так сказать, «высшая каста» парсов, семьи, из которых происходит духовенство; считается, что они не смешивались с местным индийским населением, и *бедин* — все остальные, обширная часть сообщества, результат множественных брачных контактов. При этом в настоящее время существует практика признания детей мужчин-парсов и женщин иного происхождения как парсов-зороастрийцев, для них проводится обряд *навджот*, они могут носить священный шнур *кушти* и допускаются в храмы. Дети же женщин из парсийских семей, вышедших замуж за представителей иных этнических и религиозных сообществ, не признаются как парсы-зороастрийцы; едва ли можно найти *мобеда*, зороастрийского жреца, который совершит для них обряд *навджот* (такие случаи известны, но крайне редки), их не допускают в храмы и на многие обряды. Существуют попытки борьбы с этой практикой: так, исследовательница социальной истории парсов Прочи Мехта из Калькутты опубликовала ряд работ, доказывающих более лояльное отношение к смешанным бракам в прошлом и отсутствие приоритета мужской линии преемственности идентичности [Mehta 2020; 2022]. Там не менее, очень многие парсы Мумбаи и Гуджарата твердо придерживаются ограничительной модели; некоторые же *мобеды* еще более

² Литература, посвященная этой теме, весьма обширна; среди особенно значимых работ можно указать следующие: Modi (1922) 1995; Kreyenbroek, Munshi 2001; Godrej, Punthakey Mistree 2002; Palsetia 2008; Dadabhoy 2008; Shah, Lobo 2022.

консервативны и считают парсами только детей, чьи оба родителя принадлежат сообществу парсов. Демограф и историк Ава Кхулар признает нынешнюю ситуацию внутри сообщества парсов критической: их и без того небольшая численность продолжает неуклонно снижаться, в настоящее время насчитывает уже менее 54 тысяч человек в Индии; средний возраст сообщества весьма высок, много неженатых и незамужних людей, значительные проблемы существуют в области здоровья парсов, особенно — репродуктивного здоровья. При этом в крупных городах Индии существуют социальные сети взаимопомощи и поддержки: *анджуманы* и разного рода общественные советы общин занимаются организацией заботы о старых, одиноких, немощных, больных людях. Отдельной проблемой является сохранение обширного материального наследия парсов и поиск преемственности: во многих случаях ощутима нехватка наследников.

Я познакомилась с Катайюн в 2016 г., в доме Тины Мехты, моей давней и очень близкой приятельницы. Квартира-мастерская Катайюн находится в квартале Оклэнд (Auckland square): это район благополучного центра города, относительно старой застройки, место жительства горожан среднего и высокого класса. Катайюн живет здесь с начала 1970-х годов; здесь она рисует, изготавливает витражные работы; квартира служит также и галерейным пространством: кроме картин и рисунков самой хозяйки здесь имеется немало работ и других художников, многие из них это дары. Обширное наследие хранится и изредка выставляется; Катайюн Саклат хорошо известна в артистической среде Калькутты. В феврале 2023 г. я некоторое время жила у Катайюн: мы очень много общались, а перед отъездом я получила от нее в дар несколько скетчей и рисунков.

**Катайюн Саклат: беседы
за обеденным столом**

// Фото С. Рыжаковой. Калькутта,
2022 г.

Наши беседы начались в 2018 г. и продолжаются поныне. Они крутятся вокруг нескольких тем: с одной стороны, история ее семьи, личность родителей, взаимоотношения с родными и друзьями, детали повседневной культуры прошлого — все это оказывалось теснейшим образом переплетено между собой, с другой стороны — ее путь в искусстве, темы и сюжеты, к которым она обращалась. Со временем я начала замечать, как из этих свободных разговоров с множеством пересекающихся «тропинок» выросла тема баланса между принадлежностью к традиции — в случае Катайюна это зороастризм парсов Индии — и индивидуального опыта, личных переживаний, ходов мысли, интерпретаций и стремлений. В свою очередь то, что можно назвать традицией, разделяется на две части. С одной стороны, это доктрина и теология зороастризма, отраженные в текстах и ритуалах. С другой стороны — это культурно-специфические обычаи и практики, сформировавшиеся в среде парсов Гуджарата, более-менее сохраняемые всеми парсами и впитавшие в себя множество индийских элементов, а также отражающие исторические контакты парсов.

Так, примечательно, что почти в каждом из домов парсов имеются предметы, являющиеся одновременно символами, реликвиями и экспонатами. Почти всегда это скульптура китайского «смеющегося Будды» — не имеющая прямого ритуального значения, но любовно хранимая как символ благопожелания, как нечто, придающее дому благодать и истощающее радость и счастье. Нередко можно увидеть и образ Ганеши, повсеместно чтимого в Индии.

Катайюна Саклат. «Натюрморт со смеющимся Буддой». Масло, холст.

Другой артефакт, глубоко вошедший в повседневность, — это китайская шелковая вышивка гладью: ею покрыты и традиционные женские одежды парсов, в частности, своего рода сари — *garo*, и края и углы платков, повязываемых женщинами во время посещения храмов огня, *agiaru*, и в ходе разных обрядов. Торговые контакты парсов с Китаем, процветавшие в XIX и начале XX в., принесли и другие материальные заимствования в быт многих семей парсов Индии. На стенах многих старых домов парсов еще до недавнего времени (а иногда их можно увидеть и сейчас) висели портреты британской королевской семьи: хорошо известна тесная связь парсов и британцев, как и англофилия, распространившаяся в среде парсов, многие из которых считали себя британцами. Некоторые из персидских по большей части имен парсов были «подстроены» на английский манер: так, Тина подчас забывает, что ее настоящее имя — Техмина. Джимми, Кэтти, Шерри — обычные в повседневном обращении парсов варианты имен. Английский язык стал по сути дела родным для тех, кто родился и жил за пределами Гуджарата, ходил в английские школы, читал литературу на английском языке и общался в среде, где говорили только по-английски. Таковы практически все парсы Калькутты сегодня; только самое старшее поколение еще помнит гуджарати и говорит на нем дома, многие ориентируются также в хинди и бенгали, есть такие, кто освоил урду и фарси. Авестийский и пехлевийский языки сохраняются в формульных молитвенных текстах, которые заучиваются наизусть — некоторое их количество знает каждый парс, значительно больше — зороастрийские жрецы, мобеда, проводящие ежедневные ритуалы. Но главным языком общения современных парсов, особенно живущих в крупных городах и за пределами Гуджарата, остается английский.

Истории, рассказанные мне Катайюн в ходе продолжительных свободных бесед, — ценное свидетельство об истории ее семьи, о жизни и повседневности парсов XX в. Из них можно почерпнуть много деталей, имеющих этнографическую значимость, говорящих о том, как выстраивались связи между разными этническими, религиозными и социальными сообществами Индии, где и как проходили границы, наконец, как история и культура отражались в жизни одной семьи и в сознании лично Катайюн — хранительницы огромного пласта памяти и впечатлений ее уже довольно долгой жизни.

Беспокойная душа

С самой первой нашей встречи я начала записывать истории Катайюн — иногда только голос, на диктофон, но часто, когда ситуация позволяла, включала видеокамеру. Наша жизнь с Тиной предполагала мое постоянное «включенное наблюдение» и особенно слушание: практика записывания долгих рассказов на разные темы была введена у нас в привычку. В первый же вечер нашего знакомства, в квартире Тины, Катайюн — в отличие от Тины, не любившей видеозапись и всегда предпочитавшей диктофон, — вполне лояльно отнеслась к включенной камере. Я записала продолжительный и детальный рассказ о ее отце, который сыграл, пожалуй, главную роль в воспитании дочери, в формировании ее личности и линии жизни. В дальнейшем я записывала беседы с Катайюн всюду, где только было можно; она воспринимала это положительно, и однажды даже попросила меня написать о ней книгу. Очевидно, к моменту нашего знакомства история ее жизни вполне созрела и желала своего воплощения, а я оказалась в роли благодарного слушателя и своего рода посредника.

Линия жизни Катайюн кажется весьма ровной и безмятежной: любящие, поддерживающие родители, занятие искусством, встречи с интересными людьми, домашняя студия, затем — галерея в центре Калькутты, на Чоуринги, а в 1970-е годы и поездка в Англию, обернувшаяся плодотворным временем обучения мастерству изготовления витражей. Правда, не сложилась личная жизнь, нет своих детей; однако есть сестра, живущая в Дели, есть племянники и довольно много отдаленных родственников. Ее квартира — это практически художественная галерея, куда приходят потенциальные покупатели. Иногда работы Катайюн участвуют в художественных выставках. Тем не менее, на душе у Катайюн беспокойно: об этом мне неоднократно говорила Тина, мол, та рисует печальные, наполненные депрессией работы, и в ней живет много грусти.

Катайюн Саклат. «Портрет Хомаи». Масло, холст.

Так, целый ряд картин Катайюн изображают пожилую женщину, Хомаи, жену кузена художницы. В конце долгой жизни у Хомаи развилась болезнь Альцгеймера. Катайюн внимательно за ней наблюдала и рисовала ее поникшее, постепенно уходящее в себя лицо. На одной же картине Хомаи изображена в клетке, такой, в каких обычно содержат птиц: «А я думаю, это она смотрела на нас и думала, что в клетках находимся мы!» — предположила Катайюн. Наверху в круглом медальоне — голова черной лошади: скоро она принесет Хомаи избавление. «Я заметила, что если в нашей семье кто-то вскорости должен умереть, то ему снятся лошади. И говорит другим, и другие восклицают: “О Боже, вот, ей снятся лошади!” И иногда это черные кони».

Несмотря на спокойную, рассудительную, неспешную речь, сбалансированность ума и внешнюю устроенность жизни, Катайюн сильно переживает. Насколько я могу судить, ее беспокойства — двух видов. Одно коренится в личных обстоятельствах: нет истинного духовного наследника, такого человека, которому можно было бы вручить все находящееся художественное наследие вместе с историями, которые оно содержит; с душевной болью она предрекает будущий приход старьевщика в ее квартиру, который унесет все то, что не будет представлять никакой ценности для тех, кто унаследует ее имущество. Второе — экзистенциальная печаль: мир парсов Калькутты уxo-

дит в прошлое, в целом быстро сокращается численность ее сообщества, да и завершена та эпоха, в которой были родители, учителя и друзья; не с кем поговорить по душам. Наши беседы, по-видимому, были той самой передачей накопленного наследия, выраженного в виде воспоминаний, историй, впечатлений, заметок, которое тяготит, если остается неразделенным и невыговоренным, а кроме того, играли роль своего рода врачевания души.

Оглядываясь назад, Катайон говорит о своей бесконечной благодарности судьбе: несмотря на прожитые годы, эмоционально и психологически она сохранила качества, свойственные хорошей, послушной дочери. Но теперь, в 85 лет, ей важно найти и осознать цель и может быть некоторый результат собственной жизни; они достижимы посредством ее главного занятия — искусства.

Несмотря на множество ошибок, которые я совершила — из-за того, что была очень импульсивная, — меня вели, благословляли. Теперь, когда думаю о прошлом, то я вижу эти ошибки и прошу прощения у людей. В духовном смысле, если тебе дали миссию на эту жизнь — тебе дают и инструменты, то, что нужно, чтобы ее выполнить. Мне сказали, что миссия, возложенная на меня, — музей искусства. До сих пор я этого не достигла. Она должна выполняться в три шага: сначала студия, потом — галерея и затем — музей. Студия у меня была, и галерея тоже, с 1998 г. Но музея пока не получилось создать. Когда-то мне сказали: когда ты достигнешь этой цели, то сможешь поставить перед собой другую цель, материальную или духовную, одну или другую, связать их не получится. Но одной из них, той, которую сама перед собой поставишь, ты достигнешь. Я хочу, чтобы был создан музей. И потом я поставлю перед собой только духовную задачу: чтобы все те люди, перед которыми я ощущаю вину, простили меня. Тогда я буду спокойна. Я хотела бы учить кого-то; вот, в Пуне есть две молодые женщины, которые занялись витражным стеклом. Может быть, что-то сдвинется и в этом смысле. Я не хочу никакой славы, но хотела бы, чтобы это было сделано³.

Пища значит любовь

Особенное, подчеркнутое внимание к пище и готовке — один из этнокультурных автостереотипов парсов. «Быть парсом — значит вкушать еду, пить вино и радоваться жизни», — такое самоопределение я не раз слышала от многих представителей этого сообщества. Зороастризм не предполагает отшельничества и аскетизма: сытость и удовлетворенность жизнью предполагаются важными условиями для скрепления социума и для продвижения людей по пути поддержания добра. Как и многие сферы повседневности, кухня парсов в целом основывается на гуджаратской модели, и общиндийская пара *чавал-дал* (вареный рис и бобовое блюдо) во многом присутствует на столах семей парсов, а для значительной части сообщества — как и для большинства индийцев — составляет основу питания. Но пища парсов в целом более разнообразна: мясная и рыбная пища входит в рацион, имеются рецепты и приемы,

³ Здесь и ниже: полевые материалы автора, запись бесед с Катайон Саклат; февраль 2018 г., январь, февраль, ноябрь 2019 г., ноябрь 2022 г., март 2023 г., Калькутта.

заимствованные из разных кухонь, а ряд блюд, прежде всего, *дханасак*, стали этнокультурными символами. Тема пищи и культурной идентичности парсов раскрывается на страницах некоторых книг, из которых наиболее интересны работы профессионального повара и замечательной собеседницы Бхику Маникша (*Manekshaw* 1996) и кулинара-любителя Фаруха Талати (*Talati* 2022).

Катайюн уделяет кухне большое внимание. Она отлично готовит, научила этому и своих служанок. К приготовлению пищи в ее семье всегда относились с трепетом. Много рассказов посвящены тому, что и как готовила мать Катайюн, Хомаи, которая до замужества не умела готовить; родители подарили ей толстую кулинарную книгу и энциклопедию домашних советов по здоровью.

Фотография Хомаи Саклат,
урожденной Дхавар: мать
Катайюн.

Обе книги были для нее словно Библия; других книг у нее и не было. Она научилась готовить очень хорошо, в основном, блюда парсийской кухни. Отлично делала соусы, в том числе, очень вкусный рыбный. Всегда в доме были фрукты, много зелени. Фрукты мы ели перед основной едой. За обедом и ужином всегда были салаты. Наша еда вообще была очень здоровой, всегда — свежеприготовленной. Мама очень любила природу: цветы, бабочек, сады. Она выросла в Пенджабе; семья ее родителей там владела садом, собака там была. В Калькутте этого ничего не было. Она очень хорошо рисовала масляными красками по шелку — и всегда это были цветы и бабочки. Дом был богато украшен картинами — работами мамы и отца. Мама была, с одной стороны, очень нежная и деликатная, но вообще-то — очень твердая: она все время говорила правду, даже если это было неуместно, мы то и дело старались ее удерживать от слишком прямых высказываний. Ей нравилось, когда

я проводила время дома. Мама сама всегда была дома, вот я ее часто и рисовала. Она вся была наполнена огромной любовью к нам, все отдавала нам, детям. Для нее любовь означала пищу. Вот, она покупала миндаль. Дома каждую миндалинку пробовала перед тем, как дать нам, чтобы убедиться в том, что она не горькая. Однажды я ей призналась, что иногда хожу сдавать кровь — я была донором. «Ах! — воскликнула она, — я так забочусь о твоей пище, о твоём здоровье! А ты идешь и отдаешь ее?» Любопытно, что она так это понимала — пища для нее была своего рода «наполнением крови». Она была потрясена и сочла «отдачу крови» своего рода предательством. С того дня я перестала быть донором. Уличную еду мы никогда не ели, мать — так вообще никогда, более того, в ресторанах ничего не ела: могла пойти, если ее приглашали, но там ничего не ела. Впервые я попробовала уличную еду в 16 лет, и сказала об этом матери, но та ответила: «Я тебе не верю! Ты говоришь это, просто чтобы меня подразнить». Она действительно не могла в это поверить. Когда я впервые отправилась в Бомбей, то обнаружила, что еда вне дома совершенно другая. Прежде всего, по вкусу: домашняя пища была гораздо более вкусной, а также и более сытной. Приготовление еды дома, как и устройство дома, его очищение и украшение, были для матери главными занятиями, ее постоянной деятельностью. Она боялась умирать именно потому, что не понимала — что ей тогда надо будет делать, когда она умрет? «Я боюсь, что не смогу родиться заново», — однажды сказала она. Я ей отвечала: не волнуйся, дай мне работу, что ты хочешь, чтобы было сделано, и я буду ее выполнять. Другие в семье тоже часто выражали любовь. Так, тетя — сестра матери — пробуждала меня словами: *мару гулаб-ну-пхул, мару батуклун, мару матуклун, мару митхамад* — «моя розочка, птичка, сладкая как мед».

Дед моих двух кузенов, Кхоршида и Джангира, — Эрвад Бурджорджи Джамшедджи Дастур Мехерджи Рана. Весьма известный человек, первый дастур храма в Калькутте. Он приехал из Навсари. У него был прекрасный голос, он чудесно читал молитвы. Он ел только еду, приготовленную его дочерью — рис, *дал* и рыбу, всегда маленькими порциями. Я была совсем маленькая, он сажал меня к себе на колени за едой, и вкладывал мне в рот кусочки еды. Это было не то чтобы кормление, а скорее — передача любви.

Рисование: насущная необходимость

Изобразительное искусство пришло в жизнь Катайюн в самом раннем детстве, спонтанно, и превратилось в привычку, закрепившуюся навсегда. Она постоянно создает скетчи, в которых реальное смешивается с воображаемым, идет художественный поиск.

Я хотела играть со своей сестрой, которая была старше меня на три года. Мне тогда было четыре, ей — семь. Но она не играла со мной. Не было у меня и других товарищей по играм, старшая сестра — старше меня на девять лет, у нее были уже другие интересы. Тогда я брала карандаш, мелок — все что угодно, и начинала чертить,

на всем, что попадалось под руку — огрызках бумаги, картонках, обертках. Начала рисовать одежду на человечках — мне нравилось придумывать ее дизайн. «Эти платья никто не будет носить!» — сказала средняя сестра. Но старшая парировала: «Неважно, будут носить или нет, ты продолжай!» Она меня очень поддерживала. Вот я постоянно и рисовала, всем, чем угодно, и на всем.

Искусство в моем случае — это своего рода привязанность. Одни люди не могут остановиться — они пьют, алкоголики. Другие — играют в азартные игры. Я не могу остановиться в своем рисовании. Это даже не талант, это у меня просто зависимость. Даже вечером иду готовить обед, сделаю что-то, поставлю на плиту, тем временем сажусь порисовать, и много раз обед сгорал! Теряю ощущение времени.

Скетчи Катайон Саклат.

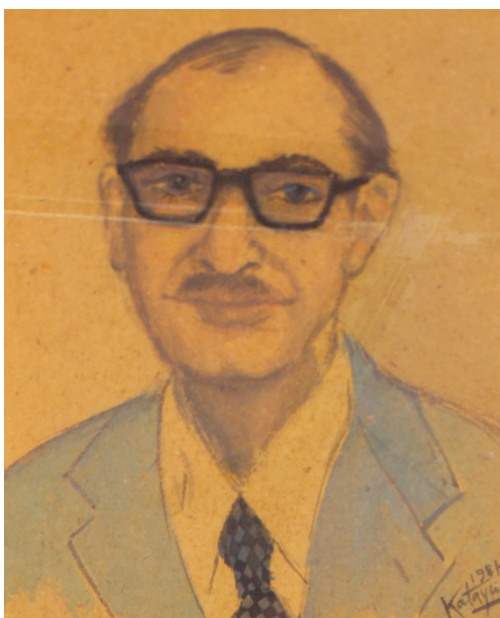
// 2011 г.

После окончания школы Катайон поступила учиться в художественный колледж J.J. College of Art в Бомбее. Однако она не была довольна образованием там и вскоре перевелась в Государственный художественный колледж (Government Art College) в Калькутте, а затем в Индийский колледж искусств и черчения (Indian College of Art and Draughtsmanship), также в Калькутте. Ее главным учителем стал Арун Бош, и здесь она встретила друзей, с которыми они в начале 1960-х годов создали артистическую мастерскую в доме ее родителей, на первом этаже. Это было значительным подспорьем только начинающим свою художественную деятельность живописцам, среди которых были Бикаш Бхаттачарджи, ставший впоследствии самым знаменитым среди всех прочих, а также Амал Гхош, Мринал Данда, Майя Данда, Панчунараян Гупта, Смрити Де Рой. В 1968 г. Катайон, ее сестра Френни и Бикаш создали художественную Галерею «52» на центральной улице Калькутты, Чоуринги. С тех пор Катайон создает художественные образы — в разной технике: графика, живопись масляными красками, акварель, витраж, эмаль. На любой поверхности, используя все, что есть под рукой.

Следовавший своей религии: отец

Родители Катайюн приехали в Калькутту в начале 1930-х годов и, в конце концов, поселились в доме на Грант-лейн, недалеко от действующего Храма огня парсов. Катайюн родилась 10 февраля 1938 г. и была третьей, самой младшей дочерью в семье. Семья ее мамы происходила из Панджаба — из той его части, которая после раздела Индии отошла Пакистану. А вот отец был первым мальчиком, родившимся в 1900 г. в семье парсов, обосновавшихся в Кашмире, в Шринагаре: отец — самый старший, за ним родились его четыре брата и три сестры. Его родители и их родители жили там, там и умерли. В начале XX в. в Шринагаре было всего две семьи парсов, они носили фамилии Пестонджи и Байрамджи.

Портрет отца: Рустам Саклат.
Работа Катайюн Саклат. Пастель.
 // Конец 1970-х годов.

Отец принадлежал к Байрамджи. Его имя — Рустам, его отца, моего деда, звали Теймураз, и фамилия их была — Саклат. Его отец был полицейским детективом в Кашмире; рассказывают, что он одевался как вор, шел и внедрялся в их среду, проводил расследования. Дед же был архитектором, строил дома, всегда в местах с очень хорошим видом, и всегда появлялся кто-то, кто покупал их еще недостроенными; наконец, построил дом и для своей семьи. И однажды две семьи парсов Шринагара обратились к махарадже Кашмира (тогда это был Хари Сингх, отец Карен Сингха) с просьбой выделить им землю для кладбища. Тот спросил: «Зачем? Всего лишь две семьи здесь живут». А они отвечали, мол, нужно, ведь люди будут умирать, и, возможно, другие парсы будут сюда приезжать. Кто-то, возможно, здесь и умрет, так что нужно отдельное место. Тот сказал: «Хорошо, я выделю землю, но одно условие —

за нее надо будет заплатить». Парсы отвечали: «Да, конечно, мы заплатим». Им был выделен довольно большой участок, красиво расположенный; и когда они спросили, сколько надо заплатить, махараджа (у него было хорошее чувство юмора) ответил: «Одну рупию». Они были удивлены, ожидали, что придется собирать значительную сумму, а здесь — такой подарок! Могилы моих дедов и прадедов находятся там.

Отец же мой умер уже в Калькутте, в 1979 г., здесь, в этом доме. Для меня это — словно вчера! И я недавно думала о нем, в связи с похоронами королевы Елизаветы II. Вот, она — человек, полностью выполнивший свой жизненный долг. И свой долг, обязанности свои, службу свою она всегда ставила выше, чем свою семью или свои личные предпочтения. Она очень осознанно к этому подходила. И мой папа всегда тоже был таким же, тоже очень осознанно к этому подходил. Когда я была молодая, я ненавидела слово *duty* — «обязанности, долг», потому что всегда его слышала. Но сейчас я это люблю! Отец, когда рано утром брился, то обыкновенно пел, в том числе для того, чтобы нас с сестрами пробудить. Сестра ныла: о, не хочу, он не дает спать! А мне нравилось, у отца был красивый голос. Я уверена, что если бы он не должен был начать работать на компанию «Зингер», чтобы содержать свою семью, то он был бы человеком искусства — певцом или художником; в свободное время он рисовал очень хорошие гравюры, преимущественно ландшафты, хотя нигде не учился.

Когда ему было 19 лет, он отправился из Шринагара в Лахор и поступил на работу в компанию по продаже швейных машинок «Зингер». Его дядя по матери, Фироз Ласкери, к тому времени в ней уже работал. Сначала он был мальчиком, подающим чай в одном из офисов этой компании. Потом попросился приходить на один час раньше, чтобы вытирать пыль с машинок; одновременно он самостоятельно обучился печатать. Стал сначала клерком, а потом и начальником всего западного отделения компании в британской Индии! У него был дом в Карачи — прекрасный, с мрамором, с колоннами. Там жила большая объединенная семья, было много детей. Продавцы всяких канцелярских принадлежностей к ним приходили и думали: здесь, наверное, расположена школа — так много было детей. В этом доме состоялся мой *навджот*⁴, когда мне было 7 лет, то есть в 1945 г.

Мой же отец жил и работал в Лахоре, здесь он встретил мою мать — Хомаи Дхабар — на одной из вечеринок, в компании, где все играли в карты, а они оба не играли, но очень любили джазовую музыку. Сразу подружились, вскоре и поженились. Отцу было 28 лет, матери — 23. После женитьбы родители переехали в Канпур, что было связано с работой отца, прожили там один год, потом отправились

⁴ Навджот – «новое рождение», торжественный обряд инициации у зороастрийцев, включающий в себя повязывание священного шнура кушти и надевания рубашки садре. Обычно проводится девочкам и мальчикам в подростковом возрасте. После этого они считаются полноценными членами религиозной общины.

в Калькутту, думая, что тоже временно, но, как оказалось, навсегда. Наш адрес я буду помнить всегда: 9, Грантс лейн, рядом с Бентик-стрит, около Лал-базара. В этом доме поселились и наши родственники — сестры матери, со своими семьями; они были из *оста*, жреческой касты, *дастуры*, ежедневно ходили в храм. Квартиры снимали в ренту.

Все были очень разные! Тети играли в карты, отец — никогда. Но все очень ладили друг с другом. В том районе жило много евреев, рядом и китайцы. Парси, христиане, иудеи. Отец продолжал работать на компанию Зингер, занимался продажами. Он очень любил эту работу: когда-то осознал, что если у женщины есть швейная машинка, то она всегда может обеспечить себя. Очень был предан своей компании. Он умер в 79 лет, уже будучи на пенсии, но его все равно считали сотрудником. Компания очень заботилась о них, и не только в денежном смысле, им оказывали разные формы уважения. Однажды компания подарила ему кругосветное путешествие как благодарность за многолетнюю службу. Но и до этого отец много путешествовал. Он совершил два кругосветных путешествия еще в эпоху Британской Индии.

В Лахоре мой отец был знаком с неким состоятельным господином Банчеша-джи Кападия. Предприниматель, *кападия* вообще значит человек, занимавшийся продажей тканей. Он предложил моему отцу в 1924 г. составить ему компанию в морском кругосветном путешествии. Он сам собирался отправиться первым классом, отцу же — тогда еще молодому и неженатому человеку — предложил оплатить более дешевую каюту, но сказал: «Ты сможешь приходить ко мне, питаться будем вместе, в столовой первого класса; тебе надо будет вести дневник, делать заметки». Отец никогда до того не путешествовал и с радостью согласился. Компания отпустила его на 6 месяцев, без содержания. Отец делал хорошие заметки. Через десять лет, в 1934 г., тот же господин опять предложил отцу путешествие: мол, мир, особенно Запад, развивается очень быстро, мы должны его увидеть. И опять компания с удовольствием отпустила отца на целые полгода, без сохранения зарплаты, но с обещанием принять обратно по возвращении. То есть работа в компании «Зингер» была чрезвычайно надежной, и начальники входили в положение подчиненных. Потом отец еще дважды проделал длительные морские путешествия. Последний раз — с моей мамой; она тоже захотела увидеть мир, и ее путешествие тоже оплатила компания. Однажды отец оказался в Японии на зороастрийский Новый год — я уже не помню, шла ли речь о 21 марта или о сентябрьском нашем Новом годе. Пошел в Олений парк. И видит — какой-то человек. Подошел поближе, и вдруг тот поприветствовал его на гуджарати — *кемначо!* — «О, Вы — парс?» Отец счел это чудом, случайно встретить в такой день в Японии парса!

Отец постоянно и много ездил в командировки по делам компании, в частности, в Афганистан. Он много рассказывал нам о нравах и обычаях тех мест, куда его забрасывала судьба. Однажды впервые

отправился в Кабул. Компания направила письмо человеку, но тот, как потом выяснилось, его не получил; никто не пришел встретить отца. Отец растерянно ждал. Уже наступил вечер. Вдруг к нему подошел какой-то человек, спросил, что случилось. «Я жду человека, которому было направлено письмо о моем приезде, но его нет. Уже вечер, не знаю, что делать», — отвечал отец. Человек сказал: «Никакой проблемы нет, пойдете со мной, будете моим гостем сегодня, переночуете, а завтра утром отправитесь на поиски вашего знакомого». Он привел отца в свой дом, накормил, уложил спать. Отец был очень благодарен, незнакомец был добр и щедр. Наутро отец проснулся рано и решил уйти, не беспокоя хозяина. Он нашел того, кто должен был его встретить. Тот заохал, сказал, что письмо не приходило, и осведомился, где же отец провел ночь. — Вот, у такого-то господина. — «О! У этого? Да он же только что убил пятнадцать человек!» Заботливый хозяин оказался известным бандитом, входившим в местную мафию. Но в их культуре, — рассказывал потом нам отец, — если кто-то становится твоим гостем, то его чтят и оберегают. Потом в магазине отцу нужно было что-то купить; подал денежную банкноту, и нужна была сдача. Продавец же, не моргнув глазом, порвал купюру напополам: допустим, 100 рупий, нужно половина, 50 — вот! О, — воскликнул отец, — кто же примет такую половину банкноты? — Все примут, — отвечал продавец. Так оно и было! Побывал отец и в кинотеатре Кабула. Начался приключенческий фильм. И когда плохие парни появились на экране, многие зрители повытаскивали оружие и начали палить в экран! Да так, что показ фильма был остановлен; вышел маленький человечек и сказал: «Сегодня мы не можем продолжать показ, слишком много дырок в экране!» В те годы у жителей Кабула реакция на все была очень непосредственная.

Отец всю жизнь вел дневник, но делал очень коротенькие заметки, только факты записывал. Также он всегда что-то изучал. Он выучил языки фарси, пушту, очень хорошо на урду говорил, хинди знал, конечно. Правда, из европейских языков знал только английский. Изучал Авесту, старался читать ее. Очень любил читать, особенно о зороастризме, о теологии. В Калькутте где-то он нашел человека, бенгальца, который выучил гуджарати, и начал переводить Авесту на гуджарати. Вместе с отцом они начали писать, четыре книги издали. Отец сидел ночами, правил текст, и говорил: «Даже если одному человеку нужно это — оно того стоит!» Вел воскресные школы для мальчиков-скаутов, рассказывал о зороастризме.

Однажды, когда я была еще подростком, он показал мне старинную Библию. Сказал: вот книга твоего деда, отца матери. Откуда она — не знаю. С прекрасными иллюстрациями. Большая, тяжелая, с металлическими застежками. Отец сказал: «Я думаю, ее надо подарить школе, нашей знакомой школе методистов, в которую священник приезжал из Америки. Пойди и спроси, возьмут ли они». Я-то думала — можно пойти просто так, зайти и отдать, но он сказал: нет, сначала пойдти и спроси директора, примут ли ее. Я поговорила с директором, и тот сказал: да, конечно, приносите. И мы отнесли.

Отец имел много друзей из других сообществ и каст. В Калькутте он часто совершал с ними утренние прогулки вокруг Виктории-мемориал. Знакомые-индуисты говорили мне: «Твой отец — очень хороший индуист», мусульмане считали его «хорошим мусульманином», христиане — «христианином». У нас были слуги — в основном мужчины, мусульмане. Служанок постоянных в доме не было, они были проходящие. Так отец всегда был очень вежлив со всеми. Экстра-вежлив! «Не могли ли бы зайти на почту и отнести письмо?» Говорил нам: они работают у нас дома, и нужно выказывать им уважение, даже большее, чем членам своей семьи. Никогда не просил их, допустим, «дайте мне стакан воды», всегда шел сам и брал. Слуги убирали квартиру. Один готовил и очень хорошим поваром стал, мама его научила. Но вот отец всегда сам стирал свою одежду. И не считал, что ее нужно гладить: гладка, говорил, портит ткань, та быстро изнашивается. Верхнюю одежду он после стирки аккуратно развешивал на плечиках, а брюки клал под матрас. Выглядели они словно поглаженные. Он никогда не пользовался утюгом. Женскую одежду стирала служанка-хинду, проходящая. Но никогда она не стирала одежду отца.

Отец жил внешне казавшейся очень простой, но осмысленной жизнью. Вот небольшая книга зороастрийских молитв, собранная и изданная неким Рустомджи Дж. Вимадалалом — необыкновенно достойный был человек, парс. Он подарил этот экземпляр отцу, и наверху написал: «To one who lived his religion»⁵.

Папа всем очень помогал. Однажды мать входит в комнату — а где вентилятор на потолке? Нет, пропал! Отец признался: «Я отдал его вот той семье. У них нет, а у нас — пять. Вот я один и отдал». Подарил однажды кому-то печатную машинку. Вообще желание отдавать, бедным помогать — очень сильно у нас, у парсов, как и стремление постоянно делать что-то. В Джамшедпуре это было особенно ощутимо: там все люди, принадлежавшие и к верхним, и к нижним классам, только о том думают, как бы им лучше исполнять свой долг. А мой отец был также очень внимателен и добр к иностранцам, к совершенно незнакомым людям. Говорил: однажды ты тоже будешь в другой стране, и узнаешь, что это такое. Действительно, в 1973 г., уже мне было 35 лет, я попала в Англию и сполна это ощутила, очень много получала помощи от незнакомцев.

Отец был очень здоровым человеком. Мать говорила: «Посмотрите на этого человека! За 50 лет он болел всего два дня». Интересно, что это случилось тогда, когда у меня был *навджот*, в доме нашего дяди в Карачи. Празднование переносить не стали; отец лежал в комнате рядом, у него был жар. Но больше он никогда не болел. И вот однажды в Калькутте появился японский доктор; он приехал с женой, на несколько месяцев. Он экспериментировал с диетой. Подружился с моим отцом и склонил его принять особую диету, и отец пошел на это. Полтора года нужно было продержаться: без

⁵ «Тому, кто следовал своей религии» (англ.).

сахара, практически без соли — только кунжутную соль можно было есть. Мало воды: вот, отец отмерял, одна, две унции... Никакой животной пищи — ни молочной, ни мясной. Но врач сказал — можно рыбу! Посадил его напротив себя, с огромной тарелкой сырой рыбы, и начал кидать себе в рот один кусочек сырой рыбы за другой, и мой отец тоже начал! Я думала — что это, отец с ума сошел? Он же с детства был вегетарианцем, никогда не ел рыбы! Но вот — вместе с японским врачом поедает сырую рыбу! По той диете фрукты можно было есть, но не все, а такие, в которых мало сахара. Бананы, вроде. В результате отец похудел, но здоровье его оставалось отличным. Ну для него это была своего рода игра, его можно было склонить к разным экспериментам. А врачу нужно было доказать всему миру: о, посмотрите, полтора года этот человек придерживался моей диеты и как здоров!

Отцу было уже за 70, когда появились у нас два *садху*. Сказали: Мы собираемся в Кашмир. Это было место рождения отца, он очень привязан к этой земле. И отправился с ними! Мать сказала: «Возьми побольше теплой шерстяной одежды!» «Нет, — сказал отец, — у них же, у садху, ее нет, и я не буду ничего лишнего брать». Но они — садху! Знают, как греть свое тело внутренним теплом. Но отец ничего особенного не стал брать. Отправился. Что-то около двух недель путешествовали. Потом рассказывал о поездке: я, мол, делал то же, что и они. Они просыпались в 4 утра — и я тоже. Они шли мыться к водопаду, в ледяных струях воды — и я. Для него это была чудесна поездка. У него был силен дух приключений! Он также много ездил и по Индии; там, где это было возможно, он останавливался в парсийских *дхарамсалах*⁶. Жизнь в них всегда была очень дешева, там подавали хорошую парсийскую еду. И там он встречал людей, узнавал об их обычаях, их истории слушал. В Дакке он тоже жил в дхарамсале. Там была, правда, всего одна семья парсов. Он спросил их: а что вы делаете, если кто-то умирает? Услышав такой вопрос, хозяева смутились и были раздражены: не хотим о таком слушать! Но через пару месяцев, когда отец уже был в Калькутте, он них раздался звонок: наш отец, мол, скончался, и мы растеряны, не знаем, что нам делать! Отец тут же собрался и отправился туда с другом. Тело они перевезли в Калькутту, где были исполнены надлежащие обряды. Затем и вся та семья переехала сюда, они стали работать в нашей дхарамсале. Отец нам говорил потом: вот ведь странно, что они не хотели со мной на эту тему говорить. Ведь если есть в мире что-то надежное, что-то, в чем можно быть уверенным, то это смерть! Ее не отменить. Надо всегда быть к ней готовым, и знать что делать.

По-видимому, у отца был и опыт общения с тем миром, который мы называем потусторонним. Он рассказал нам с сестрой однажды о таком своем сне. Незнакомое место, милое, приятное. Брат отца, который жил и затем умер в той части Индии, которая стала Паки-

⁶ В сообществе парсов существует сеть дхарамсал – своего рода гостиниц, постоялых домов, где могут жить путешествующие парсы, иногда в них расположены также и квартиры, своего рода дома престарелых, где за одинокими стариками организован постоянный уход.

станом. Отец его спрашивает: Что ты здесь делаешь? О, — отвечает тот, — мы здесь все ходим, двигаемся. — А зачем? — Мы получаем энергию. Вот, смотри, сфера, зеленый такой шар. Вот, это — энергия, и мы ее получаем, если ходим. Пойдем, я покажу тебе сюрприз. Он показал отцу умерших детей их семьи — одна из дочерей умерла в 16 лет, другая в 44 года. Потом брат отцу сказал: у тебя много незавершенной работы. Ты иди обратно, и доделывай ее. На этом отец и проснулся. Прослушав этот рассказ, мы с сестрой сказали: да, папа, будь с нами, помоги нам, нам многому надо у тебя еще научиться.

Что значит — быть парсом-зороастрийцем?

Специфика восприятия зороастризма внутри сообщества парсов требует особого внимания. С одной стороны, эта религия не ориентирована на какой-либо один этнос: ее мировоззрение и послание универсальны. Однако в ней не сложилось особенного прозелитизма: зороастризм является реформированным маздеизмом — традиционной религией иранских народов, впитал в себя их мифологию, исторические предания, обрядность и символику. Авеста и пехлевийские тексты составляют корпус священной литературы, отдельные части которой заучиваются наизусть и используются в литургической практике и в повседневной молитвенной традиции. Парсы, предками которых была иранская община мигрантов, обосновавшись в Индии, воспроизвели все элементы религиозной жизни и в большинстве своем не отделяют своей этнической идентичности от религиозной: быть парсом — значит исповедовать зороастризм.

Интересно, что для значительной части представителей этого сообщества, особенно для консервативной его части, как бы не существует иных зороастрийцев, кроме парсов. Это ясно проговаривается в связи с появлением «новообращенцев» из числа иностранцев; так, небольшая группа россиян, обратившихся в зороастризм и практикующих обряды, подвергается подчас жесткой критике со стороны некоторых ортодоксальных парсов Мумбаи, протестующих против того, чтобы допускать их в свои храмы. Определенные проблемы нередко возникают и у других иностранцев, людей иранского происхождения, причисляющих себя к зороастрийцам: их также иногда задерживают, не разрешают посещать храмы огня в Индии. При этом существуют группы либеральных парсов, прежде всего мадам Мехер Мастер-Мус (жившая в Мумбаи, ныне обосновавшаяся в Санджане), создавшая международную сеть зороастрийцев мира, стремящуюся привлечь в нее людей разного происхождения, жителей тех земель, которые так или иначе исторически связаны с зороастризмом. Катайюн признается:

Религия, вера — одно дело, сообщество — иное. Я считаю, не обязательно быть парсом, чтобы быть зороастрийцем. Удивительно, что много лет назад был пророк, ходивший по земле, вопрошавший Ахура Мазду. Я думаю, многое в ходе истории потеряно, и мы даже не знаем — что именно. Поэтому трудно осознать, что такое религия вообще. Духовность — это рост, дисциплина, образ жизни; вообще, нечто прекрасное! Лично я очень счастлива, что родилась в семье парсов, зороастрийцев. Хотя я и не считаю, что это какая-то

лучшая религия на свете. Но все-таки я ощущаю это как своего рода привилегию. Правда, нужно сказать, я не использовала эту принадлежность во всей полноте: просто многого не знаю, не понимаю, не вижу. Я очень благодарна своей судьбе, но осознаю, как мало вообще я сумела воспринять из того глубокого наследия, которое содержит зороастризм.

Целая серия монументальных живописных полотен Катайон посвящена — как она мне шутливо сказала — «этому человеческому виду, который в настоящее время находится в области возможного скорого исчезновения».

Катайон Саклат.
«Обряд в Храме огня».
Холст, масло.

Катайон Саклат. «Обряд джашан
в Храме огня в Калькутте».
Холст, масло.

Катайон Саклат. «Парсийская
семья». Холст, масло.

Катайон Саклат. «Автопортрет в агари, Храме огня в Калькутте». Холст, масло.

В семье Катайон, как и во всех семьях парсов, знают молитвы, распространена практика их ежедневного произнесения. Дети учат несколько коротких молитв наизусть для прохождения обряда *навджот*. В доме дяди Катайон в Карачи была большая молельная комната, и слугам было наказано не давать детям обед, если те не прочитали молитв. Некоторые из них помнят наизусть, остальные могут читаться по небольшим книжечкам, обычно маленького формата.

Моя любимая молитва — 101 имя Ахура Мазды. В юности удивлялась: зачем это? Просто — Бог, этого достаточно. Потом осознала: даже и 101 имени недостаточно. Может быть, 1001 имя нужно. В каждом имени заключен смысл. В трудностях помогает молитва, которую учат все наши дети: *кемна мазда*, «кто защитит нас»... Она читается, когда мы повязываем и снимаем *кушти*.

Однако в жизни девушки из семьи парсов существует табу, которое в еще недавнем прошлом весьма сильно усложняло жизнь.

Соблюдали обычай: в те времена девочки во время менструаций изолировались от других людей. Мы должны были спать на особой кровати — железной, с натянутой сеткой, словно гамак (эти веревки легко было снять и постирать, если нужно), пользовались особой посудой — тоже металлической, из которой другие не ели. Нам подавали еду — в принципе ту же, что и всем остальным, но только мы не могли сами себе накладывать. Но хуже всего было другое: мы не могли толком учиться в эти дни. Так, мы не могли дотрагиваться до книг, даже до учебников. Приходилось просить кого-то: переверни, пожалуйста, страницу! И нас не пускали в школу. Мои старшие сестры так и пропускали учебу в дни своих месячных. Это

очень раздражало, это очень усложняло жизнь. В старшей школе я обратилась к своей тете с просьбой поговорить с отцом, чтобы он разрешил мне закончить школу нормально. А то каждый месяц приходилось пропускать занятия, но мы стеснялись объяснить учителям, почему. И когда я была в старших классах, то выпросила позволения отца, чтобы я по-хорошему доучилась. Но вообще среди парсов были и еще более консервативные люди; так, наши соседи не ходили по улице Меткаф-стрит, т.к. там стоит Храм огня; чтобы ненароком не осквернить огонь, они нередко делали крюк.

В сообществе парсов встречается много людей с твердой волей, старающихся быть самостоятельными до конца своих дней. Вот такой была Перин Дастур, портрет которой Катайюн нарисовала в серии крупноформатных работ, посвященных религиозных обрядам и повседневности парсов. Всю жизнь она прожила в Калькутте, иногда летала в Канаду к племянникам, а своей семьи у нее не было. Она прожила 102 года. Ей было уже за 90, но она сама ходила в Храм огня, поднималась по высокой лестнице, и отказывалась, если ей кто-то предлагал помощь, руку подавал или хотел довести до дома. Однажды на лестнице у нее развязались шнурки, но она не разрешила помочь ей их завязать. Нет! — она сама наклонилась и завязала их. Всегда все делала сама. Подобные ответственность и самостоятельность воспринимаются многими моими собеседниками-парсами как существенная часть их религиозной культуры.

Катайюн отметила также, что парсы живут в разных странах мира, и, насколько она знает, парсы, допустим, в Гонконге — все еще парсы, они не растворились в общей среде, но вот те, кто отправился в Японию — а она знает, что такие были — их там не видно. Катайюн предполагает, что парсы в Японии настолько интегрировались в тот мир, что потеряли свою идентичность. В Калькутте большинство парсов являются членами разных организаций: клуба, благотворительных организаций, групп взаимопомощи. Так было и раньше, в середине XX в. численность парсов здесь достигала примерно пяти тысяч человек; молодые люди встречались в клубе, часто общались внутри сообщества, влюблялись и женились. При этом многие были широко мыслящими: так, отец Катайюн всегда хотел, чтобы у его дочерей были знания о других сообществах и их религиях и опыт общения с ними. Но также отец всегда говорил: помни, ты — парси.

Было несколько вещей, к которым он был очень привязан. Во-первых, язык гуджарати. Никто особенно не знал персидского языка, а вот мой отец знал, сам выучил. А гуджарати — поколения наших предков на нем говорили. И здесь, в Калькутте, дома родители говорили. Но язык школы у нас был английский, кругом были также бенгальский и хинди. Холодильника у нас не было; была терраса, на которой мы готовили *чатни*, *пиклс*, и там же хранили бутылки молока, масло, иногда в холодной воде. Но моя сестра, средняя среди нас, очень хотела холодильник. Отец сказал: «Если вы будете дома в течение одного месяца говорить только на гуджарати — я вам куплю холодильник!» Правда, мы все равно говорили на английском, но как только папа приходил домой — сразу переключались на гуджарати. Ну и мой гуджарати — не очень. Дядя мой говорил

на гуджарати очень англизированном, но он выучил и чистый гуджарати, лекции даже читал на нем.

Второй момент — брак. Однажды я спросила отца: а если я выйду замуж за не-парса? Тот ответил: «Пожалуйста, только не выходи замуж за человека вне нашего сообщества, пока я жив. Когда я умру — делай, что захочешь». Он был убежденным противником смешанных браков. Но я отвечала ему: в чем же разница, выйду ли я сейчас или потом? Кто-то, может быть, думает, что я не вышла замуж из-за своего отца, но это не так. Просто не сложилось.

Преобразующее пространство: витражное художественное стекло

Катайюн Саклат — одна из немногих художниц Индии, создающая картины в технике витражей. Это ширмы, лампы, отдельные витражные картины. В калькуттском Храме огня размещены семь ее крупных работ — важнейшие символы зороастризма. В центральной части фронтона — главная панель, изображающая Семерых единосущных, в которых проявляются благие качества Ахура-Мазды: Спента-Манью, Воху-Мана, Аша-Вахишта, Спента-Армайти, Хшатра-Варья, Харватат и Амеретат.

Витражный плафон в Храме огня в Калькутте. Автор Катайюн Саклат.

В 1973 г. (мне было тогда 35 лет) я отправилась в Англию. Моя племянница, дочь сестры, шестнадцатилетняя девушка, болела; проходила курс лечения, но ничего не помогало. Я отправилась туда, чтобы помогать сестре; но через 13 дней девушка умерла.

Передо мной встал вопрос: возвращаться ли назад в Индию? Мне начал сниться один и тот же сон: Калькутта, и все люди спрашивают, что я делала в Лондоне, а мне приходится отвечать: по сути дела — ничего, я зря потратила время и деньги отца, потому что это он заплатил за поездку. Тогда я начала искать возможность остаться, чтобы учиться. Отправилась в Британский Совет, встретилась с его руководителем, показала слайды своих работ: я хотела учиться какому-то старинному ремеслу, и искала, какому именно и у кого. Сначала все мне говорили: «О, ты опоздала на сто лет!» Но вот, в Политехническом музее мне подсказали, что есть преподаватель средневековой техники витражного стекла, Патрик Рейнтъенс⁷, и глава Британского Совета организовал для меня встречу с ним. Я принесла и показала ему слайды своих работ, и тот ответил: хорошо, мы возьмем тебя в студенты, и наш фонд оплатит тебе половину курса — 300 фунтов (а всего нужно было 600 фунтов). Британский Совет заплатил вторую половину: мне дали стипендию. Курс должен был длиться 6 месяцев, но начаться он должен был быть только через полгода. Я не могла дождаться! Приехала в студию Патрика и спросила: нет ли у вас какой-то работы? Сказали: пока нет, если будет — позвоним. И через неделю позвонили: появилась работа, заработок пять фунтов в неделю: надо работать по четыре часа в день, в остальное время свободна. Нужно было работать на кухне, греть еду, мыть посуду — там была посудомоечная машина. Чай, кофе готовить для студентов. У них был повар, приходивший трижды в неделю. Моя работа была нетрудной, и я проводила там все время. Патрик сказал: «Я не имею права тебя пока что учить, но ты можешь наблюдать». Это было превосходно — смотреть, как работает мастер! И он сказал: «Новое стекло ты не бери, но можешь брать то, которое лежит в отходах». Я брала кусочки, делала что-то. Через 6 месяцев приехали студенты нашей группы — из Канады, Америки, один японский студент. Таким образом, я пробыла в той студии целый год. В мастерской практически все делал сам Патрик. Делать витраж — наполовину ремесло (там очень важна точность технологии), наполовину — искусство, воображение. Но если в живописи можно потом что-то дорисовать, то в витраже — невозможно: сразу делается работа, вся. Что сделано, то сделано.

Я спросила Катайюн: «Как в жизни?» — и она ответила:

О, интересно, что ты задала такой вопрос! Потому что Патрик в первый месяц моего обучения спросил меня: «Кетти, ты хочешь научиться витражному стеклу или жизни?» Я тогда подумала: что за вопрос? Я не могу на него ответить! Но все же сказала — жизни. Больше мы никогда об этом не говорили. А он был глубоким философом и прекрасным учителем, он меня и учил жизни. Он был прекрасным рассказчиком: мы много ездили на экскурсии, осматривали соборы, он постоянно рассказывал об их истории, об особенностях

⁷ Николас Патрик Рейнтъенс (Nicholas Patrick Reyntiens) (11 декабря 1925 – 25 октября 2021). С 1963 по 1976 г. вместе с супругой, художницей Брюс, руководил небольшим художественным образовательным центром «Барлейфилд-хаус» (Burleighfield House) в своем поместье Бэкингемшир (Buckinghamshire), позднее преобразованным в Рейнтъенс-траст (Reyntiens Trust).

стиля. Я это обожала! Я мало знала и впитывала в себя все его речи. Он читал лекции постоянно, на кухне иногда во время обеда рассказывал. Другим это подчас не нравилось, а мне — очень! Патрик был гений, и это мое счастье, что я училась у него. Он и сам любил учиться, новое постигать. Что же касается искусства и жизни, я теперь думаю, между ними есть разница. В жизни, как я вижу, зачастую у нас есть второй шанс. С искусством — не так. Но в любом случае, нужно двигаться вперед.

В ходе обучения Катайюн в Англии одной из основных ее тем стал огонь.

В искусстве показать огонь — нелегко. Так же, как нарисовать воздух. Ветер. Свет. Я понимала, что не умею рисовать свет. Искусство витражного стекла стало для меня надеждой: о, вот теперь я научусь, как это делать! И свет будет «работать» сам, проникая сквозь кусочки стекла. Стекло — статично, но прозрачно, и можно показать это. Смотреть на это — прекрасно. Это — наблюдать игру света сквозь свою работу. Сияние. Когда я занималась витражным стеклом, то часто делала панели, также и изображающие огонь. Это было моей основной темой. Пришла в библиотеку в Лондоне: тема огня. Мне принесли целую тележку с книгами! Я взяла и прочитала всего три.

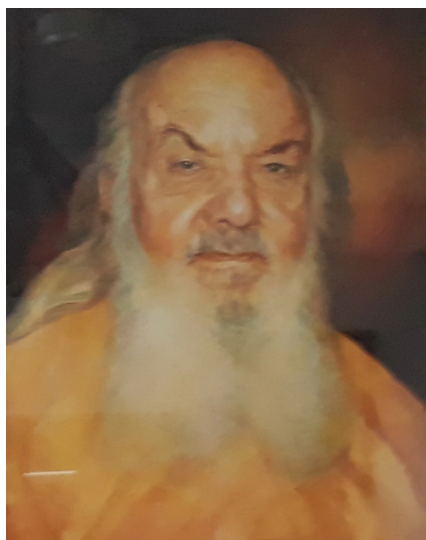
Студия Патрика в Барлейфилд-хаус располагалась в очень красивом месте. Прекрасное белое викторианское здание. Зимой там все вокруг было белоснежным, словно в рождественской сказке. Однажды я ехала в поезде «British Rail»; жила-то я с сестрой в Ромфорде, недалеко от Лондона, и в студию ездила каждый день. Задремала на мгновение; и до сих пор помню момент перед пробуждением: мне показалось, что Патрик, студия, витражи — были только сон! Я даже вскрикнула. Тут же проснулась и увидела — нет, я нахожусь в реальности, но это чудесная реальность. Мне все там помогали, англичане особенно. Кондуктор выходил из автобуса, чтобы показать дорогу, случайные встречные люди много помогали. Я постоянно встречала там чрезвычайную сердечность, внимание, дружелюбие.

Катайюн пробыла в Англии 2 года и 10 месяцев. Когда курс у Патрика завершился, она поступила в Лондоне в Центральную школу искусства (Central School of Art), и училась, в частности, у Амала Гхоша, который делал эмаль на металле. В 1975 г. она вернулась в Калькутту, в дом родителей.

Дада-джи, гуру-джи: Диншав К. Мехта

Мой отец часто повторял известную истину: «когда ученик готов, учитель приходит». Я это запомнила, но долго не понимала значения этого высказывания. Поняла только тогда, когда встретила своего гуру-джи, учителя, доктора Диншава К. Мехту.

Портрет Диншава Мехты. Из собрания
Катайюн Саклат.

Этот известный врач-натуропат с 1932 г. был личным врачом Махатмы Ганди и помогал тому в ходе длительных голоданий (см. [Mehta, Vaswani 1992]). Он был одним из создателей клиники «Nature Cure Clinic and Sanatorium» в Пуне (ныне — «National Institute of Naturopathy»), руководил ею с 1929 по 1953 г. Он играл определенную роль в формировании политики и дипломатии молодой Республики Индия: участвовал в переговорах Ганди и сэра Стэффорда Криппса, а в ходе беспоконств, связанных с разделом Индии, был отправлен в Восточный Пакистан как посланник мира. Катайюн рассказывает о нем:

Я впервые встретилась с ним в 1981 г., мы пришли вместе с мамой. Мой отец был с ним знаком и в 1975 г. мне сказал: встретиться с ним. Я бывала в Дели у сестры, просила ее отвезти меня к нему, но та все никак не могла. И вот однажды мы с мамой взяли машину и поехали в Чанакьяпури, в его дом. К входу вела высокая лестница; мама осталась ждать меня в машине. Я поднялась и встретила сына Диншава; тот сказал: приходите завтра на ланч. Оказалось, Диншав в основном находился в своей комнате, а во время ланча выходил, благословлял еду, садился за стол, все ели и общались.

На следующий день мы с мамой приехали к назначенному времени. Поднимаясь по высокой лестнице, увидели его, он в тот момент как раз вышел и начал спускаться. Мы представились ему, он спросил: «У вас есть ко мне какие-то вопросы? Что-то хотите узнать? Сюда люди приходят в основном с вопросами». — Нет, — отвечали мы. Но мне показалось: лучше все же задать какой-то вопрос. Вот я и сказала: «Есть одна вещь. Мой отец умер в 1979 г., но мы с мамой не можем перестать думать о нем. Кажется, слышим, что поворачивается ключ в двери, и сейчас он войдет, но дверь не движется. Что с этим делать?» Тогда Диншав закрыл на мгновение глаза, потом открыл и сказал: «Твой отец был добрым, хорошим

человеком. И его обучил кто-то, какое-то существо высокой реализации. Но поскольку у него были вы, семья, то он не мог полностью посвятить себя духовному деланию. Он был постоянно “между” — своим устремлением туда, и вами, жизнью в семье». Когда он произнес эту банальную в принципе мысль, нам показалось, что его слова были словно ножницы, которые обрезали веревку нашей привязанности. И мама, и я — обе мы это ощутили.

Он жил в Дели, недалеко от Яшвант-плейс в Чанакьяпури, Сатъя-марг. В его доме было зарегистрировано «Общество служителей Бога». Это было типа *ашрама* — я не знаю лучшего слова, как это можно определить. Одну неделю я провела там, получив его разрешение. Там были комнаты для мужчин и женщин, две секции. Получить его разрешение было нелегко. В Дели я могла бы и у сестры жить, но мне хотелось пожить в его доме. Ходила на прогулки с ним и с его сыном, мы держали его с двух сторон за руки. Это было счастье. За ним присматривали, ему было уже более 75 лет, ему помогали с едой, с мытьем. У него была жена Гул, что значит «роза», дочь Швин, что значит «сладость» (она вышла замуж за парса, который занимался кофейными плантациями, на юге Индии), сын Адершир, который некоторое время до этого жил в Израиле, в кибуце, изучал сельское хозяйство, потом вернулся в Индию. Диншав очень его поддерживал и заставлял диссертацию писать. Тот не хотел, но отец пояснял: мол, это нужно не столько не для тебя, сколько для других, твои знания нужны людям.

История его жизни увлекательна и прекрасна. Он происходил из семьи парсов, живших некоторое время в Китае, потом вернувшихся в Индию; дом родителей его матери находился в Джалне. Диншав рассказывал мне о том, что предшествовало его рождению. В семье были строгие, консервативные традиции, беременная женщина не могла находиться в доме. Ее поместили в отдельную комнату, расположенную в небольшом домике, за пределами жилого дома, там не было никакого электричества. Ей не разрешали иметь никаких электрических приборов. И вдруг однажды ночью — вокруг стояла полная тьма — она увидела поток света. Она не поняла, что это такое и откуда? Никто ведь не имел права заходить в ту комнату. Электричества там вообще не было. Начала всматриваться в этот свет, и увидела, что перед ней стоит старик, стоит, и свет исходит от него. Он стоял чуть поодаль, в нескольких метрах. И он ей сказал: «Это — плод твоих молитв», и словно бы дотронулся до нее, до ее живота, но как-то не телесно, и протянул ей две розы — белую и красную. Наутро, когда она проснулась, цветы лежали рядом! Их потом засушили и долго сохраняли. Родился мальчик, и его назвали Диншав: шав, или шах — по-персидски значит «царь», дин — «вера».

В детстве он всех спрашивал: каков смысл жизни? От него отмахивались. Он начал думать: что же это может быть? Идеальное тело? В 17 лет у него было тело атлета, и он был таким долго. Однажды в местечке Дхану, на открытии одной из клиник, его загримировали

как греческую скульптуру, дискобола, и когда открыли занавес он некоторое время стоял, а потом начал двигаться! Люди закричали, бросились врассыпную. Но тело телом, а он думал дальше. Может быть, смысл жизни в том, чтобы иметь превосходный ум? Начал читать. Научился двигать любой мышцей своего тела. Открыл клинику натуропатии, с тремя отделениями между Бомбеем и Пуной, и на мотоцикле Харлей-Дэвидсон ездил между ними. Такой энергичный!

При этом в семье его матери все были охотниками, лицензия имелась. И сам Диншав тоже был охотником. Он охотился на пантер. В доме его матери был большой склад шкур и подстреленной дичи. Часто деревенские люди приходили, жаловались, мол, звери беспокоят, примите меры. Я спросила однажды, сколько же он убил этих пантер. «До 75 убитых я считал, потом перестал считать», — ответил тот. И других животных бесчисленное количество. И был у него друг, Джангир Вакил, который вдруг начинает видеть сон, несколько дней подряд, один и тот же. Во сне ему говорят: «Скажи своему другу, Диншаву, чтобы тот встал на духовный путь». Сказал, но Диншав только отмахнулся. Но Джангиру опять и опять снится все тот же сон, так надоело, что он пригрозил: или ты что-то изменишь в своей жизни, или мы больше не друзья! «Хорошо, хорошо, я сделаю, что хочешь!» — ответил Диншав. Он был, можно сказать, агностиком, человеком размышляющим и ищущим.

В тот год, когда у него случились духовные перемены, он хотел их избежать, и думал: «Если я буду убивать еще больше зверей, может быть, Бог от меня отвернется. Ведь убивать нехорошо». Он не хотел появления в своей жизни никакой духовности. И он стал убивать зверей еще больше! Но Божественный Разум сказал ему: перестань убивать. Постепенно большие перемены произошли в нем. Однажды он голодал. Тогда он руководил клиниками, деньги зарабатывал. И стал вот голодать. Через несколько дней стал слышать голос, ясный и громкий. Мол, что ты делаешь? Хочешь уморить себя до смерти? — Да вроде бы нет, — отвечал голосу Диншав. — Хорошо, экспериментируй. Можешь 50 дней голодать. Но потом заверши голодание, потому что у тебя есть более высокие цели. Потом голос сказал ему: Закончи заниматься клиниками, закрой их. Но Диншав сомневался во всем, он нуждался в доказательствах. И вот однажды в доме своей матери, в Джалне, он моется в душе, и видит: его рука начинает вытягиваться, вытягиваться и превращается в меч! Он смотрит и не верит — действительно ли это меч? Начинает им резать занавески и еще что-то крушить вокруг! Все равно не верит, и пробует резать себя — из тела течет кровь. И тогда слышит голос, мол, это — меч архангела Михаила, не игрушка, применять его нужно только тогда, когда есть настоящая необходимость! Диншав удивился: почему меч, а не пистолет, ведь он привык к огнестрельному оружию.

Когда он встретил М.К. Ганди, решил: вот мой учитель. Но тот ему сказал: нет, не считай меня своим учителем, мы будем на равных.

Они были очень дружны, две голодовки Ганди Диншав контролировал и массировал его — а никто более к его телу не допускался. Диншав предложил Ганди стать его телохранителем, но тот только посмеялся. Потом оправился в Восточную Бенгалию, в Ноархали, с миссией «сближения сердец мусульман и хинду». И как раз в это время Ганди был застрелен. Диншав тут же вернулся, был потрясен, считал, что, если бы он был рядом, этого бы не произошло. Он участвовал в последнем обряде Ганди, на каждую из его ран положил по цветку розы.

Он знал о зороастризме, но не придавал никакого значения атрибутам; не носил *садре*⁸ и *кушти*. Многие не знали, кто он вообще такой: индуисты думали, что индуист, мусульмане — что мусульманин. Он создал «Общество служителей Бога» (Society of Servants of God), подчеркивая то единство, которое имеют разные религии. Он ощущал свою миссию как укрепление единства во всем окружающем его разнообразии.

Катайон рассказала о той деятельности, которую вело это Общество. Согласно ее воспоминаниям, Диншав К. Мехта поставил перед собой тройственную задачу. Во-первых, постараться помочь людям осознать свои собственные души, и мировое единство всех душ; это он сделал своей личной целью. Во-вторых, поспособствовать социальному и духовному объединению и сближению индуистов, мусульман и христиан. Это же старался делать Махатма Ганди: мол, если бы брахманы имели хариджан⁹ как членов своих семей, то ситуация с кастовой сегрегацией изменилась бы. Но и сегодня, хотя есть министры, происходящие из числа хариджан, когда они оказываются в своей деревне, то идут к своим колодцам, не могут пользоваться теми же колодцами, что и брахманы. Так что эта проблема во многом остается актуальной. В-третьих, Диншав считал, что каждый человек имеет базовые нужды (еда, жилье, медицинская помощь), что экономическое положение жителей Индии нужно выровнять. Он создал в Бомбее банк, «Needs of Life Bank», куда можно было вкладывать деньги, но состоятельные люди их более не забирали, а нуждающиеся могли получить в случае необходимости. Директора этого банка сменялись, и Катайон Саклат тоже была некоторое время директором.

Общество, основанное Диншавом К. Мехтой, большое внимание уделяло здоровой и полноценной пище. Была создана столовая для бедных, где всего за одну рупию можно было получить вегетарианский обед, состоящий из трех блюд: «Рам-роти» — небольшие лепешечки, испеченные из смеси овощей с мукой и маслом, «Сита-суп» и «Бхагван-бходжан» — рис, сваренный с мелко нарезанными овощами. В доме же Диншава на Сатья-марг, где бывало много людей, были устроены две кухни — вегетарианская и невегетарианская. Сам хозяин ел разную пищу.

⁸ *Садре* — белая хлопчатобумажная нательная рубашка, при шитье которой делают несколько символических швов и закладывают маленький «кармашек»; каждый из этих элементов имеет конкретное значение. Ношение садре, как и повязывание священного шнура *кушти*, в принципе обязательно для парсов.

⁹ Хариджаны — букв. «божьи создания», термин, изобретенный М.К. Ганди для обозначения представителей низких, «неприкасаемых» каст.

Не то, чтобы он читал мысли, нет. Но, кажется, видел души — кто пришел и зачем. Раздражался, когда мы ничего у него не спрашивали: как так, нет вопросов? Спрашивайте! Была еще такая история: между израильянами и палестинцами разразился конфликт; и Моше Даян приезжал в Индию, встречался с Диншавом К. Мехтой, причем один на один. Диншав тогда сказал ему: начнется война, короткая, вы победите. Но тогда обязательно отдайте палестинцам то, что они хотят! Иначе конфликт этот никогда не разрешится. Так и было. Но палестинцы не получили желаемое. Любопытно, что кто-то потом говорил Диншаву: Мы вас видели на той войне! А он никогда не был в Израиле. Но обладал способностью словно бы быть в одно время в разных местах.

Однажды, когда я жила в его доме, то одной ночью со мной случилось вот такое. Дверь моя не была плотно закрыта, маленькая щелочка оставалась. Вроде бы я спала, но проснулась, чувствую — на груди у меня нечто, зло какое-то, монстр. Душит меня. Глаза я приоткрыла чуть-чуть, не открыла совсем — боялась, что он атакует и глаза. Вижу — это существо, тело которого состоит из частей разных других существ. И забирает мою жизнь! Тогда я начала читать молитву, «Ашем-воху». Существо стало слабее, перестало атаковать, и затем словно дым испарилось, утекло через щель в двери. Я постаралась заснуть, но не смогла: появилось другое существо, похожее на рептилию. Оно тоже начало меня душить. Опять я читаю молитву, опять оно становится слабее, опять испаряется через щель. Через короткое время в третий раз появляется на мне нечто — теперь словно камень. Я понимаю, что это опять зло, состоящее из разных частей, разных кусков. Читаю молитву «Камно-мазда», и оно так же исчезает. Потом мне удалось заснуть. Наутро рассказала это Диншаву, тот говорит: «Да, такое бывает. Зло тоже хочет блага, добра, жизни. Оно всегда рядом с нами и, видимо, в тот момент не нашло ничего другого, поэтому атаковало тебя. Но твоя твердость и молитвы победили».

Диншав К. Мехта был высшим существом, которое пришло в этот мир, к нам, чтобы дать нам многое, поделиться, он очень стремился к тому, чтобы отдавать. Ему же трудно было что-то дать. Он умер в 1996 г., ему было 93 года. Мне сестра о его смерти сказала, и я сразу полетела в Дели, пошла в его дом. Его тело лежало, и казалось, он спит. Вокруг были люди. А Диншав еще при жизни сказал: вы можете хранить мое тело, максимум месяц. Приходил врач каждый день, проверял, и не было никаких признаков разложения. Шесть дней он лежал так. Потом приехали его дочь и доктор Карен Сингх, близкий ему человек. Они решили, что тело нужно кремировать. Я спросила: может быть, надо надеть *кушти* и *садре*? Но для Диншава все внешние атрибуты при жизни не были важны; так и не надели. Когда в крематории тело клали в огонь — казалось, живого человека сжигают.

Огонь — начало, огонь — конец. Вместо эпилога

В наших разговорах с Катайюном одной из постоянных нитей была тема природных стихий. Это вполне объяснимо в рамках зороастрийских представлений — их почтения и почитания. Больше всего мы говорили об огне — его разных формах и ипостасях.

Катайюн Саклат, набросок рисунка «Почитание огня в зороастрийском храме».

Тема огня всегда интересовала меня. Что мы видим в наших храмах? Огромный сосуд, в котором пламя. На него можно любоваться бесконечно, потому что оно постоянно движется, живое, принимает разные формы, *аватары*, в каждое мгновение.

Моя семья в Калькутте жила рядом с храмом огня; и это было важной частью нашей жизни, частью принадлежности. Видели, как появлялись жрецы, старые уходили, молодые приходили. Мы считаем, что огонь — это царь, сидящий на троне. Он спрашивает: что вы мне принесли? Несем ему сандал, хотя бы маленький кусочек. Огонь наш помещен в сосуд. Но сами мы — движущиеся огни. В каждом из нас есть огонь. Энергия вообще. То, что заставляет двигаться. *Аташ-путро* — сын огня; хотя так обозначают людей, типа Заратуштры. Огню можно рассказать все, самые сокровенные свои мысли.

Однако в памяти Катайюна сохраняется и история о страшном огне: пожар в доме родителей отца. Когда отец Катайюна был мальчиком, его семья жила в деревянном доме в Мансуре, в Кашмире. Однажды кто-то курящий бросил сигарету, она попала в деревянный сарай, где лежали дрова, заготовленные на зиму. Начался пожар. Мать сказала детям: надевайте сандалии и бегите! Мальчики начали спрашивать, мол, можно я возьму то или это? Нет, — отвечала она, — ничего не берите! Все выбежали. Никто не пострадал. Дом сгорел дотла. Неподалеку находился дом для слуг, который построили родители ее отца, и поселили их туда. Слуги предложили хозяевам разместиться там. В том доме отец Катайюна и его братья и выросли. Значительно позднее, когда все разъехались, вдруг встал вопрос — что делать с домом: ни один из братьев не нуждался в нем. Решили: а ведь у нас есть слуга, с семьей, много лет. Позвонили ему и сказали: возьмешь? — Да! Посоветовали им создать в нем

гостиницу. Наверное, до сих пор он там существует: отель «Мазда». Пожар же тот для отца Катайюна был первым и значительным уроком жизни, о чем он и говорил дочери: когда в твой дом приходит вор, он забирает одну, вторую вещь. Когда же приходит огонь — он забирает все, и тебе надо всю жизнь начать сначала.

В доме моей бабушки в Лахоре всегда был живой огонь, топили дровами. Когда дед умирал, он все говорил бабушке: пойдди, посмотри, горит ли огонь. Огонь был в кухне, дед лежал в другой комнате, и все просил: пойддите, посмотрите! Ему это было очень важно: понимать, что он умирает, но знать, что огонь — жив.

* * *

Жажда творческой деятельности как одна из разновидностей внутреннего, духовного огня, влечет Катайюна и сейчас. Она активно продолжает рисовать, создает новые работы и стремится оформить уже собранный ею свой мир. Картины Катайюна повествуют о разном, они зацепили очень многое из того, что она видела на протяжении уже долгой жизни. Но поскольку рисование для нее — не самоцель, а прежде всего инструмент общения, получается, что вещи и люди зачастую словно бы сами попадают на ее холсты. О многих образах художница говорит, что и не знает, что это и кто это: какая-то сущность захотела проявить себя посредством ее рисунка; в определенной мере Катайюна демонстрирует качества медиума. Священный мир, образы таких индуистских богов, как Ганеша и Сарасвати, также присутствуют в некоторых из ее работ и отмечены глубоким личным чувствованием и восприятием художницы.

Катайюна Саклат. Сарасвати.
Гравюра.

Мир священного не отделен, а постоянно пронизывает мир людей, сплетается с ним, формируя многообразные отношения. На это же работает и блестящая память Катайюна, сохраняющая огромное количество деталей про-

шлого. Это наполняет, формирует ее духовный мир, но это же и отягощает. Катайон признается: «Моя незаконченная работа заключается также в том, что я должна забыть то, что уже не нужно помнить. Мне нужно научиться отдавать себя, полагаться». На кого или на что полагаться — на других людей, на судьбу, на высшие силы, ведущие по жизни — это не вполне ясно. Надежду можно возложить на творящий, очищающий и преобразующий огонь, *аташ*, важнейший религиозный элемент и символ Ахура Мазды, благой мысли зороастризма.

Источники:

ПМА, Полевые материалы автора. Беседы с Катайон Саклат в Калькутте, 2018, 2019, 2022, 2023 гг.

Литература

Godrej Pheroza J., Punthakey Mistree Pheroza. A Zoroastrian Tapestry. Art, Religion and Culture. Ahmedabad: Mapin Publishing, 2002. 762 p.

Kreyenbroek Philip G. in collaboration with Shehnaz Neville Munshi. Living Zoroastrianism. Urban Parsis Speak About their Religion. Richmond. Surrey (UK): Curson, 2001. 344 p.

Manekshaw Bhicoo J. Parsi Food and Customs. The Essential Parsi Cookbook. New Delhi: Penguin Books, 1996. 435 p.

Mehta Dinshah K., Vaswani Sundri. Mahatma Gandhi, the beloved patient. Bharatiya Vidya Bhavan, 1992. 169 p.

Mehta Prochy N. Pioneering Parsis of Calcutta. New Delhi: Niyogi Books, 2020. 186 p.

Mehta Prochy N. Who is a Parsi? New Delhi: Niyogi Books, 2022. 488 p.

Modi Jivanji Jamshedji. The Religious ceremonies and customs of the Parsees. 2nd edition (reprint from 1922). Bombay: Society for the promotion of Zoroastrian Religious Knowledge and Education, 1995. 455 p., +index, bibl.

Palsetia Jesse S. The Parsis of India. Preservation of Identity in Bombay City. New Delhi: Manohar, 2008. 368 p., + ill.

Shah A. M., Lobo L. (eds.). An Ethnography of the Parsees of India. 1886–1936. London and New York: Routledge, 2022. 233 p.

Talati Faruh. Parsi from Persia to Bombay. Recipes and tales from the ancient culture. Forwarded by Homi K. Bhabha and Leah Bhabha. London, New York, New Delhi: Bloomsbury Absolute, 2022. 368 p.

Research Article

Ryzhakova S. I. **Spiritual world of Katayun Saklat: talks with a Parsi painter in Kolkata** [Duhovnyi mir Kataiun Saklat: kalkuttskie besedy s hudozhnicei parsi] *Anthropologies*, 2023, no 2, pp. 206-239, <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2023-2/206-239>

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Ryzhakova S. I. | SRyzhakova@gmail.com | <https://orcid.org/0000-0002-8707-3231> | Institute of Ethnology and Anthropology RAS, leading researcher

Abstract

The article presents the author's field ethnographic material, the recorded stories of Katayun Saklat, an artist belonging to the Parsi Zoroastrian community of Kolkata. The objects of study are the history of her life and the key factors that shaped her personality: family and upbringing, the life experience of her father, Rustam Saklat, meeting and communication with the teacher, Dinshaw K. Mehta, as well as immersion in the world of artistic culture and the meanings invested in creativity. Based on conversations with Katayun, an attempt is made to analyze the relationship between individual religiosity and adherence to tradition, and how personal memories are searched for balance and awareness within the framework of a personal spiritual path.

Keywords: Parsis, Zoroastrianism, creativity, biographies, spiritual world, Katayun Saklat, Dinshaw K. Mehta, India

References:

- Godrej Pheroza, J., Punthakey, Mistree Pheroza. 2007. *A Zoroastrian Tapestry. Art, Religion and Culture*. Ahmedabad: Mapin Publishing, 2002. 762 p.
- Kreyenbroek, P.G. (in collaboration with Shehnaz Neville Munshi). 2001. *Living Zoroastrianism. Urban Parsis Speak About their Religion*. Richmond. Surrey (UK): Curson, 344 p.
- Manekshaw, Bhicoo J. 1996. *Parsi Food and Customs. The Essential Parsi Cookbook*. New Delhi: Penguin Books, 435 p.
- Mehta Dinshah K., Vaswani, Sundri. 1992. *Mahatma Gandhi, the beloved patient*. Bharatiya Vidya Bhavan, 169 p.
- Mehta, Prochy N. 2022. *Who is a Parsi?* New Delhi: Niyogi Books, 488 p.
- Mehta, Prochy N. 2020. *Pioneering Parsis of Calcutta*. New Delhi: Niyogi Books, 186 p.
- Modi, Jivanji Jamshedji. (1922) 1995. *The Religious ceremonies and customs of the Parsees*. 2nd edition (reprint from 1922). Bombay: Society for the promotion of Zoroastrian Religious Knowledge and Education, 455 p., +index, bibl.
- Palsetia, Jesse S. 2008. *The Parsis of India. Preservation of Identity in Bombay City*. New

Delhi: Manohar, 368 p., + ill.

Shah, A.M., Lobo, L. (eds.). 2022. *An Ethnography of the Parsees of India. 1886–1936*. London and New York: Routledge, 233 p.

Talati, Faruh. 2022. *Parsi from Persia to Bombay. Recipes and tales from the ancient culture*. Forwarded by Homi K. Bhabha and Leah Bhabha. London, New York, New Delhi: Bloomsbury Absolute, 368 p.

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation No. 22–28–00505: «Peculiar worlds of India: particular communities and social groups. Ethnocultural strategies for preserving and annihilation of differences». 2022–2023.

